

Выступление в литературе дворянской оппозиции повысило политическую злободневность литературы и одновременно сузило ее задачи. Характерно, что продолжавшийся в 1760-е гг. спор о сравнительном достоинстве поэзии Сумарокова и Ломоносова часто решался в пользу Ломоносова как выразителя широкой национальной точки зрения. Идейная программа дворянской оппозиции сформировалась в качестве узко сословной. Творчество этих писателей и адресовано было в первую очередь дворянскому читателю, единственному, которого следовало, с их точки зрения, вовлечь в сферу культуры. Но идеальные надежды не осуществились; им пришлось быстро разочароваться в исправлении нравов дворянства при помощи сатиры и наставления. Дворянская масса осталась равнодушна к литературным призывам. Что касается Екатерины II, то она руководствовалась прагматическими соображениями и, используя писателей группы Хераскова при восшествии на престол, пресекла дальнейшие оппозиционные выступления и отказалась от услуг просвещенного дворянства в качестве советников монарха. Гражданский пафос их поэзии оказался в противоречии с правительственными целями.

Херасковский кружок распался, участники его, за исключением самого Хераскова, практически прекратили литературную деятельность.

В программе дворянских интеллигентов имелось еще одно противоречие, которое повлияло на отношение дворян к литературному труду. Добиваясь интеллектуальной независимости от правительства и претендуя на идейное руководство государством, они высшей дворянской добродетелью провозглашали практическую службу. Этот традиционный призыв находил большее понимание у читающей публики, так как был подкреплен существовавшим бытовым укладом. И хотя Сумароков всячески подчеркивал значение труда писателя, почти приближаясь к формуле А. С. Пушкина — «слова поэта суть уже дела его»,²⁵ эта точка зрения, внушительно подтвержденная поэтической практикой Сумарокова, оказалась не единственной, и даже не была господствующей. Сам факт, что ему, главе русской литературы, приходилось столь яростно ее доказывать, свидетельствует о сопротивлении, которое она встречала. Некоторое представление о противоположном отношении к литературному труду дают адресованные дворянскому читателю книги, рисующие образ идеального дворянина.

В книге «Совершенное воспитание детей» аббата Бельгарда излагались правила воспитания детей в аристократических семьях. В русском переводе С. С. Волчкова она утратила этот специфический оттенок аристократической исключительности и, как можно предполагать, воспринималась русским читателем в качестве руководства о воспитании дворянина (в переводе — шляхтича) вообще. Все рекомендации наставнику исходят из главного

²⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 265.